

Мама, что делать-то, я горю!
Спился мой ангел-подлец-хранитель...
Стало мне тесно шагать в строю,
И сапоги стали жать, и китель.
Сброшу берет, и запустит дождь
Пальцы мне в волосы и за ворот.
Вот же бывает – живёшь, не ждёшь,
Раз, и горишь! Как соломы ворох.
Тычут товарищи в спину, в бок:
Стой, дурачок, командир заметит!
А я откашливаю дымок,
Мам, я горю ярче всех на свете!
Выйду за рамки, шагну не в такт –
Локоть. Под носом тепло и ало...
Мам, я горю, и мне больно так,
Как никогда ещё не бывало.

* * *

Цвела сирень, июнь был сочен –
Дождь из-за каждого угла,
А я проснулась среди ночи,
Занемогла.
Не воспаление, не рана,
Не перелом и не удар...
Диагноз оказался странным –
Любовный жар.
Потом меня везли в больницу
Мимо фонтанов и огней,
И продолжало становиться
В груди больней.
Врачи уверенно сказали:
Мне очень нужно, чтобы жить,
Искать тебя в толпе глазами
И находить.

* * *

Я тебя отпустила, а ты не рад.
Укоряюще смотришь, взывая к совести...
Все твердишь, что свобода – обман и яд,
Что финала не может быть в нашей повести.
А я молча смотрю на летящий снег,
Вспоминаю начало сюжетной линии,
Понимая, что не было нас и нет,
А сомнениям нет ни числа, ни имени...
И так ясно, и грустно, и холодок
Пробегают. И наше совместное вечное,
Будто снежный растаявший городок,
Неслучайные топчут ногами встречные.

* * *

Тонким прутиком по лицу
Мне на память царапнет лес –
Через заросли рвусь к отцу,
Тёмным силам наперерез.
Детство зайцем по мху прыг-скок,
Страх на части сердчишко рвёт –
Если путь не отыщешь в срок,
Вряд ли папа тебя найдёт.
Чуть замешкаешься в пути –
Только папоротник вокруг...
И незнание куда идти –
Твой единственный верный друг.

Если силу имеет речь,
Пап, куда ты не исчез,
Не спускай меня больше с плеч,
Не бери меня больше в лес.

* * *

Там, где лето уносит тебя во мглу
Тополиного пуха и пустоцветов,
Я останусь наказанная в углу –
Не найдя ни следов твоих, ни ответов.
Прислоняясь к обоям горячим лбом,
Утирая глаза рукавом – для виду, –
Я останусь на месте стоять столбом,
И уже никогда из угла не выйду.
Потому что под яблочным снегом – стынь,
Пострашней, чем январская непогода,
А любви твоей ласковая полынь,
Не страшней твоего ухода.

* * *

Щекочет горло мотылек
Еще не сказанного слова...
А ты сказал мне все, что мог,
Но облегченья никакого.
Я сломана – не починить.
Хоть плачь, хоть режь – твоя работа.
Но память не перехитрить –
Пускай живет, пускай хоть что-то...
Стою, поддтая слегка,
Горжусь отыгранною ролью...
И отпускаю мотылька
На волю.

* * *

В нашем городе снова снег,
Так надолго и так не вдруг...
Это ада девятый круг,
И других объяснений нет.
За бедою придёт беда,
Всё в тумане, как в молоке...
Прикоснёшься к моей щеке
И рассеешься навсегда.

* * *

Так странно в городе без тебя,
будто с цепи сорвались ветра...
С большим трудом достаю себя,
из-под одеяла по утрам,
иду на работу, ставлю чай,
теплей не становится, хоть убей...
И тяжесть карманная, от ключа,
вдвойне мне кажется тяжелей...
Потом домой, где никто не ждет,
и мысль рождается сгоряча:
«кота возьму!» – пусть хотя бы кот,
мурлычет на ухо, по ночам.

* * *

Времени горькое темноводье
Камни-воспоминанья точит.
Как же мне хочется многоточий
Там, где предельно всё ясно, вроде...
Ветер принёс мне песок и пепел,
Как невозможного обещанье.
Тихо спою тебе на прощанье,
Чтобы твой сон был глубок и светел.
Если болит так, что зубы сводит,
Как не согнуть пополам спину?
Времени горькое темноводье,
Дай захлебнуться в тебе и сгинуть.

* * *

Ночь опустилась тихо и легко.
Испуганно небесной лодкой замер
Молочный месяц, прямо над рекой,
И звуки стали видеться глазами:
Шептанье листьев, жаждущих летать,
Страх не готовой к перелету стаи,
Дыханье волн, что лед превозмогая,
Как можно дальше силятся бежать...
И в этот час, когда земная твердь
Подернута ночьюю пеленою,
Хочу, на звезды глядя, замереть
И, как рассвета, встречи ждать с тобою.

* * *

Нет сентября, нет жёлтых листьев,
Дождей холодных тоже нет.
Феназепам свежий блистер,
Кулёк сосательных конфет...
И я иду в линялой куртке
По тесным плесневым дворам,
Чтоб сэкономить на маршрутке
И колбасы купить котам.

Они, дворовые матросы –
Хоть холод на дворе, хоть зной,
Без предрассудков и вопросов
Охотно знают со мной.
И, наплевав на все приличья,
Они считают за людей
Моих прекрасных, загадочных
Воображаемых друзей.

* * *

На хлеб намазываю масло,
Средь кухонных опрятных стен,
Как будто жизнь моя прекрасна,
А между тем

Ты мне протягиваешь книгу,
Но не свою.

В глазах моих по морю плещет,
И сердце расхотелось так,
Как будто на ветру трепещет
Горящий мак.

А ветер гонит птичьи стаи...
Во мне отчаянье и грусть,
Как ласточки гнездо сплетают,
Но я смеюсь.

Всё в мире приравнялось к мигу,
Где у автобуса стою,

Как будто это что-то значит,
Как будто, если б ветер стих,
То жизнь сложилась бы иначе,
Чем у других.